

Научно-теоретическая статья

УДК 304.2

DOI: 10.25688/2078-9238.2024.50.2.1

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ИНКЛЮЗИЯ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Джуад Ю. Ю.

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия,

dzhuadyuyu@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0524-1084>

Аннотация. В статье исследуется межкультурная инклюзия как составляющая концепции инклюзивного общества и как один из аспектов социокультурной инклюзии. Междисциплинарный анализ включает в себя: историческое рассмотрение проблемы межкультурной инклюзии как части концепции инклюзивного общества; этнопсихологическое рассмотрение проблемы межкультурной коммуникации, формирования межкультурной компетентности и роли межкультурной сензитивности; философское (историко-философское, социально-философское и социокультурное) рассмотрение контекста возникновения и путей преодоления препятствий, возникающих на пути межкультурной инклюзии в контексте современного российского общества. Результаты междисциплинарного анализа позволили сформулировать рекомендации субъектам межкультурной коммуникации и определить сферу образования как оптимальную среду для развития межкультурной компетентности, являющейся важнейшим условием реализации в нашем обществе проекта межкультурной инклюзии.

Ключевые слова: инклюзия, инклюзивное общество, культурный код, межкультурная инклюзия, межкультурная компетентность, межкультурная сензитивность

Для цитирования: Джуад Ю. Ю. Межкультурная инклюзия: социально-психологический и социально-философский анализ // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2024. № 2 (50). С. 8–22. DOI: 10.25688/2078-9238.2024.50.2.1

Scientific and theoretical article

UDC 304.2

DOI: 10.25688/2078-9238.2024.50.2.1

INERCULTURAL INCLUSION: SOCIO-PSYCHOLOGICAL AND SOCIO-PHILSOPHICAL ANALYSIS

Yulia Yu. Dzhvad

Moscow City University,

Moscow, Russia,

dzhuaryu@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0524-1084>

Abstract. The article examines intercultural inclusion as a component of the concept of an inclusive society and as one of the aspects of sociocultural inclusion. Interdisciplinary analysis includes: historical consideration of the problem of intercultural inclusion as part of the concept of an inclusive society; ethnopsychological consideration of the problem of intercultural communication, the formation of intercultural competence and the role of intercultural sensitivity; philosophical (historical-philosophical, socio-philosophical and sociocultural) consideration of the context of emergence and ways to overcome obstacles that arise on the path of intercultural inclusion in the context of modern Russian society. The results of interdisciplinary analysis made it possible to formulate recommendations for subjects of intercultural communication and identify the field of education as the optimal environment for the development of intercultural competence, which is the most important condition for the implementation of the intercultural inclusion project in our society.

Keywords: inclusion, inclusive society, cultural code, intercultural inclusion, intercultural competence, intercultural sensitivity.

For citation: Dzhvad, Yu. Yu. (2024). Intercultural inclusion: socio-psychological and socio-philosophical analysis. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2 (50), 8–22. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2024.50.2.1>

Введение

Несколько десятилетий назад, осмысляя парадоксы перехода от эпохи модерна к постмодерну, философы задавались вопросом: что же будет дальше? Как характеризовать грядущие перемены в мышлении человека и общественных отношениях? Что готовит нам стремительно ускоряющийся научно-технический прогресс?

Скорость этих изменений сегодня беспрецедентно высока, настолько, что метафоры социальных изменений рождаются намного быстрее и чаще, чем нормативный временной диапазон, отводящийся на проведение научного исследования в социальной сфере¹. Постмодерн [Лиотар, 1998], гипермодерн

¹ Имеется в виду проведение диссертационного исследования на соискание научной степени кандидата (3 года) или доктора наук (5 лет).

[Оже, 2017], метамодерн [Вермюлен, Ван Ден Аккен, 2015] — история дробится все мельче, длительность периодов хронологии занимает всего лишь по несколько лет.

На смену характеристикам постиндустриальности приходит информационность, затем виртуальность, которая становится ведущим типом коммуникации и важнейшим параметром социального бытия. Информационные технологии характеризуют культурный код современности [Бэлл, 2004; Маклюэн, 2005], распространяясь на восточные и западные культуры, выводя на новый уровень тенденцию глобализации, а вместе с ней и новые возможности для всех видов коммуникаций, и соответствующий этим изменениям глобального общества уровень противоречий и конфликтов.

В этой статье речь пойдет лишь об одном из аспектов этой трансформации, в котором зафиксирована идея намечающегося перехода от информационного общества к обществу нового типа, знаменующего очередную фазу социальных перемен, — инклюзивному обществу. Говоря об инклюзии в самом широком смысле слова, принято отмечать, что это тип общества, который предоставляет и гарантирует возможность для равноправного участия в нем всех категорий людей, которые прежде, на предшествующих этапах по разным причинам не получали доступа к основным социальным благам или имели в этом существенные ограничения [Макарьев, 2015, с. 25].

Логично, что плацдармом инклюзивного общества являются информационные технологии, ведь именно они создали «техническую» возможность для включения в общественный процесс, активного самовыражения и позиционирования различных социальных групп, исторически находящихся в меньшинстве или в относительной изоляции. Таковым положение могло быть в силу их географической локализации, относительной культурной изоляции, физических или ментальных особенностей, половозрастных и других причин. Виртуальная реальность предоставила возможность услышать голоса и увидеть воочию жизненные интересы этих категорий и прослоек глобального социума.

Концепция инклюзивного общества считается одним из передовых гуманистических веяний западной культуры. Размышляя о причинах популярности концепции инклюзивного общества на Западе и о том, почему, несмотря на без малого двухсотлетнюю историю существования отдельных инициатив в области социокультурной инклюзии в Германии, во Франции и других западных странах, на государственный уровень они начали выходить лишь недавно, представляется, что ведущую роль в этом случае играет экономический интерес. Несмотря на то что идеи инклюзии зародились в сфере образования [Ратнер, Сигал, 2012, с. 163–164], но реальные практические решения по его претворению в жизнь в глобальном масштабе были реализованы в бизнес-среде западных корпораций.

Инклюзия в сфере образования была продекларирована как международное требование по обеспечению равных условий для обучения лишь одной из дискриминируемых групп — лиц с ОВЗ — только в конце XX в. и благодаря

деятельности ЮНЕСКО² начала свое продвижение в образовательном пространстве западных стран. Начало XXI в. сопровождало множество исследований, показавших большую эффективность совместного обучения не только для детей с ОВЗ, но и для их сверстников, не отличавшихся особенностями здоровья.

Примерно в то же время, представители крупнейших международных бизнес-корпораций приступили к реализации идеи социокультурной инклюзии в более широком контексте, исследуя тот потенциал финансовой выгоды, который внедрение концепции инклюзивного общества сулит производителю различных, в том числе информационных, товаров и услуг. Рынок потребителей расширился, создавая запрос на переструктурирование виртуального производства и механизмов маркетинга, ориентированных на более широкий круг потребителей. Так, в бизнес-среде на Западе начал развиваться тренд на культуру инклюзии как неотъемлемый элемент корпоративной культуры [Бабат, Кинунен, 2022, с. 3].

Таким образом, именно экономическая выгода в большей степени, нежели гуманные соображения, становится движущей силой и мотивацией для широкомасштабной инклюзии этнических, гендерных и других меньшинств. Данные о соответствующих исследованиях, проведенные в международных корпорациях, показывают, что «компании, которые придерживаются принципов многообразия: в 2 раза чаще добиваются своих финансовых целей; в 6 раз более адаптивны к изменяющейся среде; в 8 раз вероятнее покажут высокие бизнесрезультаты» [Бабат, Кинунен, 2022, с. 4]. Стоит ли говорить о том, во сколько раз увеличивается экономическая эффективность со стороны потребителя, когда ориентация в продажах товаров и услуг основывается на принципах инклюзии.

Предлагая развивать культуру DEI (Diversity, Equality and Inclusion)³ как важнейшую составляющую корпоративной культуры в российской бизнес-среде, авторы отмечают, что наиболее проблематичной является межкультурная инклюзия — включение в совместную деятельность в рамках рабочего коллектива представителей различных этнических и религиозных сообществ [Бабат, Кинунен, 2022, с. 84–85]. Бабат К. и Кинунен Т. справедливо отмечают, что само по себе культурное разнообразие не является причиной для повышения экономической эффективности корпорации. Для реализации этого потенциала необходима организация инклюзивной среды в корпорации, которая позитивно влияет на инновационность, креативность и ряд других важных показателей. Действительно, разные стили мышления и социокультурный опыт являются потенциалом креативности, но на практике оказывается значительно сложнее организовать среду для межкультурной инклюзии, чем инклюзивную среду для лиц с ОВЗ или половозрастными различиями.

² В 1994 году по результатам проведения ЮНЕСКО Всемирной конференции по образованию лиц с особыми потребностями была принята Саламанская декларация, посредством которой официально был введен термин «инклюзия» и определены ее основные принципы.

³ DEI (Diversity, Equality and Inclusion) — Многообразие. Равенство. Инклюзия.

Данные исследователи, будучи практиками, отмечают, что для российской бизнес-среды инклюзия как часть корпоративной культуры остается пока еще *terra incognita*. Немногим лучше обстоят дела и в других секторах российского социума. Причины этого, по нашему мнению, носят комплексный характер и возникали в ходе исторических обстоятельств, под воздействием которых формировался современный культурный код нашей страны.

В России проблематика социокультурной инклюзии начала подниматься примерно в то же время, что и на Западе, и также — в сфере образования. Начало XIX в. было отмечено появлением первых специализированных учебных заведений для лиц с ОВЗ, однако возможность совместного инклюзивного обучения для них открылась намного позже. К концу XIX в. в нашей стране актуализировалась проблема гендерной инклюзии. «Осмысление роли и назначения женщины приобрело высокую актуальность с конца XIX в. Вместе с движением за гендерное равенство в правовом, политическом, социальном плане» [Миркушина, 2014, с. 3]. Что касается межкультурной инклюзии, предполагающей равноценное и полноправное включение в социальное пространство представителей различных этнокультурных сообществ, на практике оно до сих пор остается сложным, несмотря на исторический путь России и современную концепцию многонационального государства⁴.

В чем заключаются основные проблемы на пути реализации концепции межкультурной инклюзии? Существуют ли пути решения, и если да, то каковы они и в какой сфере их можно наиболее последовательно реализовать? Это вопросы, которые будут рассмотрены посредством междисциплинарного анализа в данном теоретическом исследовании.

Методы / методологические основания

Рассмотрение комплекса проблем, связанных с межкультурной инклюзией, требует обращения к междисциплинарному подходу. Методологическими основаниями данного исследования являются общие принципы диалектики — рассмотрение различных аспектов инклюзии: философского, исторического, социально-психологического во взаимосвязи и развитии. Эти аспекты также необходимо рассматривать в контексте системного подхода, позволяющего анализировать проблематику межкультурной инклюзии в единстве с другими социокультурными и социально-психологическими факторами общественного бытия. Компаративный анализ позволяет сравнить исторический контекст формирования концепции инклюзивного общества на Западе и в России. Феноменологический подход в рамках социальной психологии позволяет рассмотреть проблематику понимания в межкультурной коммуникации. В этой связи

⁴ Конституция Российской Федерации. Раздел I, ст. 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm>

методологически важное значение для исследования имеет теория культурных измерений Г. Хофстеде, а также понятия «межкультурная компетентность» и «межкультурная сензитивность».

Теоретический характер исследования определил область научного анализа, охватывающую совокупность философских текстов и результатов эмпирических исследований социально-культурной и этнопсихологической направленности, а также частично контент виртуального пространства Рунета по тематике, относящейся к проблеме межкультурной инклюзии в России. Кроме того, осмыслению автора был подвергнут многолетний личный опыт межкультурной коммуникации, отрефлексированной в ходе преподавания учебной дисциплины «Культурные коды».

Обсуждение и результаты

Проблема межкультурной инклюзии в российских реалиях

К парадоксам социальной реальности в нашей стране относится тот факт, что она на протяжении всей своей истории складывалась как межкультурное пространство. Однако при этом множество научных мероприятий и публикаций сегодня посвящено проблемам ксенофобии, этнического и религиозного экстремизма. В информационном поле постоянно размещаются вбросы, прямо или косвенно направленные на разжигание межнациональной розни. В обыденном сознании закрепляется стереотипное восприятие представителей разных народов и верований, традиционных для России.

Публикации в СМИ дают представление о том, что даже среди представителей социально значимых профессий, таких как школьные учителя и вузовские педагоги, имеет место не критичное отношение к предрассудкам этнического и религиозного толка, которое отражается на характере профессиональной деятельности однозначно негативно для всех участников образовательного процесса. В наибольшей степени это ощущается в сфере школьного образования, которая чувствительно реагирует на потоки внутренней и внешней миграции. Многие педагоги прямо говорят о своей неготовности работать в межкультурных коллективах обучаемых, воспринимая этот факт как препятствие, а совсем не как ресурс или потенциал для достижения целей образовательного процесса. Мониторинг публикаций в виртуальном пространстве Рунета по тематике, связанной с миграцией, позволяет говорить о том, что текущее состояние российского общества далеко от идеала инклюзивного общества, и это касается не только образовательной среды.

Исторический контекст этих эффектов сознания современных россиян сложен и неоднозначен. В недавнем советском прошлом тема этнической принадлежности была одной из табуированных тем. С другой стороны, постсоветское пространство стремительно фрагментировалось и сегодня, несмотря

на постоянный или временный характер проживания на нашей территории уроженцев бывших союзных республик, именно эта категория людей зачастую оказывается в фокусе негативно окрашенного общественного мнения или умело используется как плацдарм для дестабилизации общественных отношений.

Положительной тенденцией в современных отечественных реалиях является тот факт, что все больше исследователей в области социально-гуманитарных наук говорит о необходимости развития такого востребованного современностью интегрального личностного качества как межкультурная компетентность. Особое внимание развитию этой компетентности призывают уделять исследователи в области педагогики и психологии. Предпринимаются и нормативные решения по закреплению межкультурной компетентности как одного из квалификационных требований, в частности к педагогам. Однако на практике это остается лишь одним из многих декларируемых требований, для реализации которых в регламенте работы учебных заведений не хватает административных, материальных и психологических ресурсов.

Социальная психология и этнопсихология

Межкультурная компетентность, понимаемая как совокупность знаний о носителях иного культурного опыта, а также умений и навыков реального конструктивного взаимодействия с ними [Омельченко, Теплова, Шевцова, 2019, с. 8], действительно становится все более актуальной и востребованной в контексте глобализации и интенсификации культурной диффузии во всем мире, и в том числе в нашей стране. Особую важность она приобретает в профессиональной деятельности, протекающей в пространстве «человек – человек».

Безусловно, межкультурная компетентность субъектов общественного взаимодействия является одним из важных условий формирования инклюзивного общества в целом и межкультурной инклюзии в частности. И в этом отношении необходимо отметить, говоря об умении устанавливать контакт с представителями других культур, поддерживать его, конструктивно разрешать возникающие противоречия, что это не только и не столько заданные психологические параметры, сколько именно формируемая совокупность личностных качеств, способности и готовности осуществлять на практике эту деятельность, что и является проявлением соответствующей компетентности. В этом плане межкультурная компетентность почти никогда не является некой первичной данностью, а требует определенных усилий и соответствующей среды, в которой это формирование может произойти.

Одной из важнейших составляющих межкультурной компетентности является межкультурная сензитивность (чувствительность). В реальном межкультурном контакте более важную роль, на наш взгляд, играет не столько рациональная составляющая в виде определенного набора знаний о культурном

коде собеседника, а скорее внутреннее чувство настроенности на межкультурное взаимодействие, желание и стремление достичь взаимопонимания. Этот параметр в некотором смысле является заданным, определяясь воздействием на личность различных биографических факторов, таких как воспитание, образование, круг общения, территория проживания и, конечно, опыт общения с представителями разных культур. Однако вместе с тем межкультурная сензитивность, так же как и в целом межкультурная компетентность может и должна развиваться.

Роль и значение межкультурной сензитивности можно рассмотреть на примере такого распространенного барьера межкультурной коммуникации, как языковой барьер. Зачастую собеседники оказываются в условиях отсутствия общего вербального пространства в виде единого языка общения. Но даже и при его наличии проблема адекватного понимания не утрачивает своей актуальности, выходя за пределы лингвистического на уровень психологического, социокультурного и философского (концептуального) порядков. Понимание — сложная и многоаспектная проблема, для решения которой востребован навык умеренной межкультурной сензитивности. Срединный уровень характеризует способность обладателя межкультурной компетентности проникнуться эмпатией и даже симпатией к собеседнику, создать позитивную эмоциональную атмосферу, помочь снизить градус фрустрации или коммуникативной зажатости в ситуации контакта с инокультурным другим.

Противоположные по направленности, но равные по своему негативному влиянию на процесс межкультурной коммуникации эффекты оказывают чрезмерно высокой и чрезмерно низкой межкультурной сензитивности [Хухлаев, Павлова, Хакимов и др., 2021]. Высокая сензитивность ведет в пределе к полной невозможности взаимодействия, вызывая крайне негативные эффекты разного рода этно- и религиозных фобий, эксклюзивизма, национализма и др. Низкая межкультурная сензитивность, свидетельствующая об утрате чувствительности к культурному контексту собеседника и вызывающая эффекты Я-центризма и мнимого универсализма, может привести к серьезному искажению процесса межкультурной коммуникации и даже к открытому конфликту. Конфликты на этнической и религиозной почве, как известно, являются наиболее социально опасными, особенно в таких межкультурных средах, как российское общество.

Отечественные этнопсихологи говорят о том, что межкультурная сензитивность может быть не только измерена посредством специально разработанных методик [Хухлаев, Павлова, Хакимов и др., 2021], но также и скорректирована средствами социальной психологии и этнопсихологии. Коллектив разработчиков данной методики [Хухлаев, Гриценко, Павлова и др., 2020а] связывает уровень межкультурной сензитивности со шкалой системы культурных измерений Г. Хофстеде, которая указывает на отношение к неопределенности. Согласно последним обновлениям на сайте проекта этого авторитетного исследователя, с учетом последних обновлений от 16 октября 2023 года, показатель

«избегание неопределенности» у России — 95 баллов из 100⁵. Интерпретация высоких показателей по этой шкале говорит о том, что факт культурных различий воспринимается как ситуация неопределенности и препятствует построению эффективной межкультурной коммуникации.

Социальная философия и философская методология

Современное кризисное состояние мирового сообщества, а вместе с ним и российского общества никак не способствует повышению толерантности к неопределенности. Но справедливо и то, что социальные кризисы в истории человечества, и в том числе в российской истории, случаются с известной регулярностью. Намного раньше, чем свои рекомендации по этому поводу начали давать психологи, разработкой стратегий поведения в ситуации неопределенности занимались философы. Каждый из периодов истории человечества осмыслялся философами, предлагавшими свои антикризисные программы жизнепрживания в условиях кризиса.

Одним из первых примеров можно считать философские программы стоиков, скептиков и эпикурейцев, задающих модели поведения и внутренних этических кодексов личности на фоне значимых социальных трансформаций, знаменовавших переход от Античности к Средневековью. Возможно не все эти стратегии были в равной степени эффективными именно в контексте межкультурной коммуникации, но в каждой из них зафиксирован важный момент смещения зоны ответственности с внешней неопределенности на внутреннюю устойчивость как способ совладания с ситуацией больших социальных потрясений.

В период Средневековья формируются новые модели решения проблем социальной напряженности, имеющие религиозный характер. Мировые религии, такие как христианство и ислам, в своих теологических концепциях содержат положения о вненациональном единстве верующих. Таков императив ключевых христианских заповедей: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим — сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя» [Новый Завет. Евангелие от Матфея, 22:37–39].

Такой же гуманный посыл мы находим в Коране, который легитимирует Божьей волей этническое и религиозное многообразие: «Среди Его знамений — сотворение небес и земли и различие ваших языков и цветов. Воистину, в этом — знамения для обладающих знанием» [Священный Коран, 30:22]; «У вас ваша религия, а у меня — моя» [Священный Коран, 109:6]. На этих принципах формируются важнейшие нравственные императивы верующего,

⁵ Hofstede Insights: Country comparison tool — Russia. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison-tool?countries=russia>

такие как «Нет принуждения в религии» [Священный Коран, 2:256]; и призыв к взаимопознанию и взаимообогащению культур: «О люди! Воистину, Мы создали вас из мужчины и женщины и сделали вас народами и племенами, чтобы вы узнавали друг друга» [Священный Коран, 49:13].

Философская диалектика как методологическая программа Нового времени позволяет сформулировать универсальные принципы всеобщей взаимосвязи и развития, посредством которых становится возможно описывать не только закономерности на уровне бытия, но и сферу человеческих, в том числе межкультурных, взаимоотношений. Для этой сферы наибольшее значение приобретают принципы диалектики единства и многообразия, а также диалектики единичного особенного общего всеобщего.

Понимание диалектичности социальных процессов, и в частности межкультурной коммуникации, актуально во все времена, и особенно при очень частых социальных трансформациях, свидетелями которых мы являемся сегодня. Межкультурные проблемы и конфликты, трудности понимания на всех уровнях: от языкового до психологического, культурного и философского (концептуального) — сопровождали и будут сопровождать общественные отношения во все времена. Однако понимание того, что нередко именно эти трудности являются потенциалом общественного развития, позволяет искать пути и разрабатывать стратегии урегулирования социальных конфликтов, гармонизации межэтнических отношений и межрелигиозного диалога, которые являются важнейшими составляющими концепции межкультурной инклюзии.

Междисциплинарный подход и его результаты

Межкультурность как исследовательский тренд реализуется сегодня во многих отраслях социально-гуманитарного знания. Не только в области педагогики и этнопсихологии, где были заложены основы концепции инклюзивного общества, но и в сфере экономики. Частью этого тренда является так называемый антиколониальный дискурс, который в наши дни расширился и вышел за рамки этнографии и антропологии, на уровень осмысления специфики межкультурной философии, то есть фундаментальных когнитивных установок и концептуальных представлений, а также культурно обусловленных логик мышления [Форнет-Бетанкур, 2022].

Несмотря на это, в реальной социальной практике в России и в мире сохраняет свою актуальность тезис одного из крупнейших отечественных этнопсихологов Г. У. Солдатовой: «Возраст ксенофобии — это возраст человечества» [Солдатова, Макачук, 2006]. Исследователь констатирует непреходящую значимость межкультурной проблематики на уровне психологии человека. Философский анализ позволяет сделать вывод о том, что диалектический характер глобализационных процессов подразумевает синхронизацию культурной диффузии с симптомами своеобразной защитной реакции и возникновением

очагов культурной локализации и нарастанием осознанности в этнической идентификации.

Сложность этих противоположно направленных процессов вносит свой вклад в состояние хронического стресса, делая его неустранимым из жизни современного человека. Что можно противопоставить этому состоянию в той его части, которая возникает под воздействием межкультурной напряженности? Какие ключевые знания, навыки и опыт необходимы современному человеку для развития межкультурной компетентности?

Во-первых, это знание о закономерностях антропологического порядка в отношениях Я к другому, об основных параметрах системы измерения культурных различий, об уровне контекстуальной обусловленности языка и других важных составляющих культурного кода.

Во-вторых, навык методологической децентрации и соответствующей ему установке сознания, помогающей преодолевать страх неопределенности за счет смещения акцента со своих внутренних переживаний в качестве объекта неконтролируемого воздействия инокультурного другого на своего рода исследовательский интерес, активную субъект-субъектную позицию восприятия межкультурной коммуникации.

В-третьих, расширение опыта и круга межкультурных контактов. Такой опыт является одним из наилучших способов развенчания устоявшихся стереотипов и фобий и при достижении определенной глубины контакта позволяет увидеть в инокультурном другом черты индивидуальности, а значит, не только различия, но и сходства с самим собой. Такой опыт позволяет дифференцировать как собственные ощущения и впечатления от контактов с представителями различных культурных сообществ, так и различать среди последних носителей самых разных интеллектуальных, этических и поведенческих признаков, имеющих внеэтническое универсальное значение.

Базируясь на изложенных выше философских основаниях и социально-психологических исследованиях, развенчивающих этнические и религиозные стереотипы [Хухлаев, Александрова, Гриценко и др., 2019] а также включающих в себя разработку отдельных методик и методических комплексов по работе с проблемами межкультурной коммуникации и развитию межкультурной компетентности [Хухлаев, Гриценко, Павлова и др., 2020b], современная теория межкультурной инклюзии указывает пути решения проблемы социальной напряженности и негативных эффектов интолерантности. Развитие межкультурной компетентности способствует принятию культурного разнообразия и использованию его как эффективного ресурса в различных сферах общественных отношений.

Заключение

В настоящее время в отечественной психологии создается большое количество программ методических рекомендаций и тренинговых методик по преодолению культурных барьеров, оптимизации межкультурной коммуникации, развитию

межкультурной компетентности. Преимущества тренингового формата, в частности, позволяют в условиях безопасного пространства отрабатывать навыки коммуникации в ситуации ограниченности языковых ресурсов и других культурных особенностей, в практике игровой деятельности совершенствовать личностный уровень межкультурной сензитивности, занимать позицию инокультурного другого, децентрировать свое Я и осознать относительность собственного культурного кода, преодолевать стереотипы и предубеждения, отрабатывать конструктивные модели решения проблем, возникающих в межкультурной коммуникации.

В связи с этим, по нашему мнению, укрепившемуся в ходе собственной практики педагогической деятельности, оптимальной средой для развития межкультурной компетентности как важнейшего условия формирования инклюзивного общества является сфера образования. Образовательная среда в единстве всех ее ступеней и уровней является одновременно механизмом и важнейшим фактором формирования идентичности, ценностной структуры личности, мировоззренческих принципов и психологических установок. Образование значимо влияет на интеллектуальный и культурный кругозор человека на всех этапах его становления: от среднего школьного до высшего и постдипломного образования.

Особое конструктивное влияние в этой среде, по нашему мнению, способны оказать предметы, учебные дисциплины и темы, связанные с историей, культурой, обществом, психологией, философией. Для совершенствования межкультурной компетентности самим педагогам стоит обращаться к вышеуказанным программам методической поддержки, материалам научных исследований и курсам повышения квалификации в образовательных учреждениях, которые сегодня являются методическими и научно-исследовательскими центрами, работающими по системе грантов и государственных заданий для реализации проекта социокультурной инклюзии в Российской Федерации⁶.

Список источников

1. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
2. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 136 с.
3. Вермюлен Т., Ван Ден Аккер Р. Заметки о метамодернизме [Электронный ресурс] // METAMODERN — журнал о метамодернизме. URL: <https://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism/>
4. Бэлл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 944 с.
5. Маклюэн М. Галактика Гуттенберга. Становление человека печатающего. М.: Академический Проект, 2005. 496 с.
6. Макарьев И. С. Краткий словарь системы понятий инклюзивного образования: терминологический словарь. СПб.: Охтинский колледж, 2015. 84 с.
7. Ратнер Ф. Л., Сигал Н. Г. История становления и развития идей инклюзивного образования: международный опыт [Электронный ресурс] // Исторические,

⁶ В частности: Московский психолого-педагогический университет, Московский педагогический государственный университет и др.

философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 12 (26): в 3-х ч. Ч. II. С. 162–167. URL: www.gramota.net/materials/3/2012/12-2/38.html

8. Бабат К., Кинунен Т. Многообразие. Инклюзивность. Равенство. Первая книга о diversity & inclusion на русском языке. 2022. 373 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68792073SelfPub

9. Миркушина Л. Р. Образ женщины в русской религиозной философии и культурной традиции конца XIX – нач. XX вв.: дис. ... канд. филос. наук. Астрахань, 2014. 192 с.

10. Омельченко Е. А., Теплова Е. Ф., Шевцова А. А. Формирование межкультурной компетентности. Методические подходы и тестовые материалы: учеб. пособие. М.: МПГУ, 2019.

11. Хухлаев О. Е. Измерение межкультурной компетентности педагога: разработка и апробация Теста ситуационных суждений ТСС-МКК / О. Е. Хухлаев, О. С. Павлова, Э. Р. Хакимов и др. // Психологическая наука и образование. 2021. Т. 26. № 6. С. 46–57. DOI: 10.17759/pse.2021260603

12. Хухлаев О. Е. Комплексная модель межкультурной компетентности: теоретическое обоснование / О. Е. Хухлаев, В. В. Гриценко, О. С. Павлова и др. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Психология и педагогика». 2020а. Т. 17. № 1. С. 13–28. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-13-28>

13. Новый Завет. Евангелие от Матфея [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь: официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/bible/mf/>

14. Священный Коран [Электронный ресурс] // Коран Онлайн. URL: <https://quran-online.ru/>

15. Форнет-Бетанкур Р. Современный мир как вызов для межкультурной философии // Сравнительная философия: от сравнительной к межкультурной философии. М.: Наука; Вост. Лит., 2022. С. 304–317.

16. Солдатова Г., Макачук А. Может ли «другой» стать другом? Тренинг по профилактике ксенофобии. М.: Генезис, 2006. 256 с.

17. Хухлаев О. Е. Идентификация с религиозной группой и этнонациональные установки буддистской, мусульманской и православной молодежи / О. Е. Хухлаев, Е. А. Александрова, В. В. Гриценко и др. // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 14. № 3. С. 71–82.

18. Хухлаев О. Е. Авторская комплексная модель межкультурной компетентности: механизмы формирования межкультурной эффективности / О. Е. Хухлаев, В. В. Гриценко, О. С. Павлова и др. // Социально-психологические проблемы современного общества и человека: пути решения. Витебск: Витебский государственный ун-т, 2020b. С. 37–40.

References

1. Lyotard, J. F. (1998). *The Postmodern Condition*. St. Peterburg: Aleteiia Press. 160 p. (In Russian).

2. Auge, M. (2017). *Non-Places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publishing House. 136 p. (In Russian).

3. Vermeulen, T., & Van Den Akker, R. (n. d.). *Notes on metamodernism*. METAMODERN is a magazine about metamodernism. (In Russian). Retrieved from <https://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism/>

4. Bell, D. (2004). *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. Moscow: Academia Press. 944 p. (In Russian).
5. McLuhan, M. (2005). *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. Moscow: Akademicheskii Proekt Press. 496 p. (In Russian).
6. Makar'ev, I. S. (2015). *A Brief Dictionary of the System of Concepts of Inclusive Education: terminological dictionary*. St. Petersburg: Okhta College. 84 p. (In Russian).
7. Ratner, F. L., & Segal, N. G. (2012). History of Inclusive Education Ideas Formation and Development: International Experience. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. Gramota Press, 12 (26): at 3 part, part II, 162–167. (In Russian). Retrieved from www.gramota.net/materials/3/2012/12-2/38.html
8. Babat, K., & Kinunen, T. (2022). *Diversity. Inclusivity. Equality. The First Book about Diversity & Inclusion in Russian*. (In Russian). Retrieved from http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68792073SelfPub
9. Mirkushina, L. R. (2014). *The image of a Woman in Russian Religious Philosophy and Cultural Tradition of the late nineteenth century. XX century*. Dissertation of the Candidate of Philosophical Sciences. Astrakhan. 192 p.
10. Omelchenko, E. A., Teplova, E. F., & Shevtsova, A. A. (2019). *Formation of intercultural competence. Methodological approaches and test materials*. A textbook manual. Moscow: MCU.
11. Khukhlaev, O. E., Pavlova, O. S., & Khakimov, E. R. et al. (2021). Measuring Intercultural Competence in Teachers: Development and Evaluation of Situational Judgment Test. *Psychological Science and Education*, 26 (6), 46–57. (In Russian). <https://doi.org/10.17759/pse.2021260603>
12. Khukhlaev, O. E., Gritsenko, V. V., Pavlova, O. S. et al. (2020a). Comprehensive Model of Intercultural Competence: Theoretical Substantiation. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17 (1), 13–28. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-13-28>
13. The New Testament. Gospel of Matthew. *The Russian Orthodox Church: the official website of the Moscow Patriarchate*. (In Russian). Retrieved from <http://www.patriarchia.ru/bible/mf/>
14. *The Quran Online* (n. d.). The Holy Quran. (In Russian). Retrieved from <https://quran-online.ru/>
15. Fornet-Betancourt, R. (2022). The Modern World as a Challenge for Intercultural Philosophy. *Comparative Philosophy: From Comparative to Intercultural Philosophy* (pp. 304–317). Moscow: Nauka Press; Vostochnaia Literatura Press. (In Russian).
16. Soldatova, G., & Makarchuk, A. (2006). *Can the "other" become a friend? Training on the prevention of xenophobia*. Moscow: Genezis Press. 256 p. (In Russian).
17. Khukhlaev, O. E., Aleksandrova, E. A., Gritsenko, V. V. et al. (2019). Religious Group Identification and Ethno-National Attitudes in Buddhist, Muslim and Orthodox Youth. *Cultural-Historical Psychology*, 15 (3), 71–82. (In Russian). <https://doi.org/10.17759/chp.2019150308>
18. Khukhlaev, O. E., Gritsenko, V. V., Pavlova, O. S. et al. (2020b). Author's Model of Intercultural Competence: Mechanisms for Forming Intercultural Effectiveness. *Social and Psychological Problems of Modern Society and People: Solutions* (pp. 37–40). Vitebsk: Vitebsk State University Publishing House. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author:

Джуад Юлия Юрьевна — кандидат философских наук, доцент департамента философии и социальных наук Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, Москва, Россия.

Dzhuad Yuliya Yurevna — Cand. Sci (Philosophy), Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Institute of Humanities, Moscow City University, Moscow, Russia.

dzhuadyuyu@mgpu.ru

Сведения об отсутствии или наличии конфликта интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the absence or presence of a conflict of interest: The author declare no conflicts of interests.